

двадцать девять лет назад

— Дай посмотреть! — громко попросил Руслан.

— Не покажу! — неожиданно отказался Илья и закрыл альбомный лист руками.

— Покажи.

— Не покажу.

— Я по-хорошему прошу.

— Не покажу.

Руслан был старше, правда, всего на четыре месяца, но старше. При этом выше Илья на полголовы, крупнее и в компании считался заводилой. Мальчики ещё ни разу не дрались, ну, толкались пару раз, не сумев поделить игрушки, но это не считается, однако Илья и без драки понимал, что Руслан крепче и если захочет, то сможет отобрать и понравившуюся игрушку, и альбомный лист с заинтересовавшим его рисунком. Тем не менее — упёрся, окончательно спрятал рисунок, улёгшись на него телом, и исподлобья смотрел на друга, всем своим видом давая понять, что решения не изменит. И тем поставил Руслана в затруднительно положение, поскольку драться мальчик не хотел, но и отступить не собирался. Пришлось сменить тактику:

— Тебе жалко?

— Не хочу показывать, — ответил Илья, продолжая лежать на рисунке.

— Почему?

— Не хочу.

Остальные дети — Ада и Платон — внимательно наблюдали за назревающей ссорой, но пока не вмешивались. Но не потому что боялись Руслана — им было интересно, чем всё закончится.

Идея порисовать возникла неожиданно: весь день ребята провели на Оке с родителями, вернулись, пообедили, стали

думать, чем заняться дальше, но вместо того, чтобы усадить детей перед телевизором, родители выдали им краски и предложили «создать картины, чтобы вечером устроить вернисаж». Идея понравилась: после месяца на даче привычные развлечения изрядно надоели, и дети с удовольствием набросились на краски, заняв под «художественную мастерскую» большую террасу в доме Ады. Родители же, убедившись, что на террасе воцарилась творческая тишина, радостно выдохнули и занялись своими делами.

— Покажи!

— Нет.

— Не хочет показывать — пусть не показывает, — примирительно произнёс Платон. — Что ты к нему пристал?

— Хочу посмотреть.

А Илья, воспользовавшись тем, что Руслан на мгновение отвлекся, вскочил со стула, схватил лист и спрятал за спину.

— Ах так, да?

— Перестаньте ругаться, — попросила Ада. Ссоры у ребят случались не то чтобы часто, но периодически и давно не вызывали у зрителей, которыми становились разные члены компании, сильных эмоций, только технический интерес — кто победит? И если Платон внимательно наблюдал за друзьями, то девочка спокойно закончила наносить на свой рисунок синюю краску, тщательно вымыла кисточку и только после этого вновь посмотрела на мальчишек. — Чего вы опять не поделили?

— Он у меня срисовывает, — отрывисто бросил Руслан.

— Или ты у меня, — ответил Илья.

— Я первый его нарисовал.

— Нет, я!

— Нет, я!

— А что вы рисуете? — поинтересовалась Ада.

— Лес, — ответил Руслан, даже не посмотрев на девочку.

— Такой?

Ада показала ссорящимся друзьям свой лист и улыбнулась, увидев появившееся на их лицах удивление.

— Ты тоже?

— Да.

— И я нарисовал лес, — растерянно произнёс Платон.

Илья вытащил лист из-за спины, Руслан принёс свой с дальнего конца стола, дети посмотрели разложенные на столе рисунки и переглянулись:

— Но почему?

— А что тут ещё рисовать?

Терраса примыкала к задней стороне стоящего на высоком фундаменте дома. С неё можно было спуститься в большой сад, который где-то далеко — во всяком случае, так казалось ребятам — заканчивался высоким поселковым забором. За забором поднимался тёмный ельник, и старые, необыкновенно высокие деревья мрачно нависали над участком Ады, закрывая изрядную часть неба.

— Страшный лес, — вздохнул пухленький Тоша.

Друзья не ответили, но и смеяться не стали.

Потому что Платон был прав.

— Я нарисовала лес на закате, — объяснила свой рисунок девочка. — Солнце садится позади дома, и лучи очень красиво подсвечивают ели. Мне об этом мама рассказала, научила видеть, и мне захотелось нарисовать его таким.

— Лучи корявые, — буркнул Руслан.

— На свой рисунок посмотри, — заступился за Аду Илья. — Вообще ничего не видно!

— Потому что у меня лес — ночью. И если приглядеться, то всё видно.

— Видно чуть-чуть, — согласилась Ада только для того, чтобы мальчишки не стали снова ругаться. Ей было всего семь, но она уже знала, что Илья её слушает, а Руслан не будет продолжать, если ему не противоречить. — А что у тебя?

— У меня лес днём, как сейчас, — рассказал Илья. — Вокруг светло, а он очень тёмный.

— Поэтому нам нельзя в него ходить, — произнёс Руслан. — Он всегда тёмный, страшный и злой.

— С родителями — можно, — уточнил Илья.

— Родители взрослые, им не страшно.

— Родители запрещают нам ходить в лес, потому что мы ещё маленькие и они боятся, что мы заблудимся, — медлен-

но сказала Ада. — Но однажды мы в него войдём. Только мы, без родителей.

— Когда вырастем?

— Когда настанет время.

— Это как?

Некоторое время Ада молча смотрела на задавшего вопрос Илью, после чего ответила:

— Так сказала мама.

— А когда настанет время?

— Когда захотим, — ответил Руслан, которому очень хотелось скорее стать взрослым. Ответил, перевёл взгляд на рисунок четвёртого члена компании и ткнул пальцем в человеческую фигурку: — А это кто?

— Ведьма, которая живёт в лесу.

Платон изобразил её достаточно схематично, как мог, но было совершенно ясно, что женщина крупная и черноволосая. А у её ног мальчик изобразил чёрную собаку.

Дети долго, почти минуту, молча разглядывали рисунок Платона, а затем, не стовариваясь, посмотрели на соседний дом.

14 июля, четверг

Победитель неофициального и никогда не проводившегося опроса «Кто, по вашему мнению, является самым непредсказуемым и безбашенным московским водителем?» менялся часто. Давным-давно, когда семейные автомобили считались если не роскошью, то показателем существенного достатка, первую позицию уверенно занимали «подснежники». В те времена машины принято было беречь, на зиму прятать в гаражи или иные подходящие места, а ездить на них исключительно в дачный сезон, с весны до осени, после чего снова убирать «под снег». Что и стало причиной появления красивого, но обидного прозвища. Опыта у «подснежников» было крайне мало, тем более что подавляющее большинство из них и в сезон садилось за руль редко, только по выходным — на дачу и обратно — поэтому на дороге они держались неуверенно, чем крепко раздражали «обычных» водителей, катавшихся по городу круглый год. Затем пальму первенства перехватили водители заполонивших мегаполис маршруток — пассажирских микроавтобусов, ездящих без расписания, по принципу: время — деньги. А поскольку многие водители маршруток переехали в столицу из регионов с весьма условным пониманием правил дорожного движения, они быстро превратили московские улицы в филиал своей малой родины, и ДПС пришлось приложить немало усилий, чтобы вернуть городу столичную солидность, избавив его от элементов восточного базара. На смену маршруткам пришли водители небольших, как правило белых, очень юрких и потому необыкновенно наглых грузовичков, за которыми последовало нашествие таксистов из независимых, но дружественных государств Средней Азии — надёжные навигаторы сделали профессию настолько мультикультурной, что многие московские таксисты не понимали москов-

ских пассажиров, ориентируясь лишь на информацию из приложения. Но даже обладатели водительских лицензий из независимых, но дружественных государств Средней Азии потеряли первое место, на которое уверенно поднялись пользователи каршеринга. Модный сервис краткосрочной аренды автомобилей быстро завоевал популярность у жителей столицы, на рынке появилось несколько крупных компаний, машины которых стали частыми гостями в уличном потоке, но далеко не все их клиенты обладали достаточным опытом, а главное — осторожностью. Чужая машина есть чужая машина: мало кто будет внимательно относиться к взятому в недолгую аренду автомобилю, который, по сути, представляет собой не более чем способ перемещения из точки А в точку Б, после чего навсегда исчезает из жизни арендатора. Ну а особенную «любовь» пользователи каршеринга снискали привычку бросать машины как попало, не задумываясь об удобстве окружающих, и в городе не раз и не два возникали скандалы из-за перекрытых оставленными автомобилями дворов.

Впрочем, Артур Пирожков плевать хотел на отношение московских водителей к пользователям каршеринга. Артуру нужно было ехать, причём не по делам, а на свидание с Настей, на третье свидание, которое имело все шансы закончиться утром, что заставляло молодого человека немного волноваться. В том числе о том — найдётся ли поблизости машина.

В смартфон Пирожкова, как и любого другого уважающего себя пользователя каршеринга, были загружены приложения нескольких компаний. Они хранились в отдельной папке и располагались в строгой очерёдности: от самой любимой и недорогой фирмы до самой известной, обладающей наибольшим парком машин, но задравшей стоимость аренды до такой высоты, что к её приложению Артур обращался исключительно в тех случаях, когда конкуренты ничего предложить не могли, а ехать требовалось срочно. Но сегодня Пирожкову повезло: неподалёку от него замерли в ожидании целых три автомобиля «любимой» фирмы, один из которых сразу привлёк его внимание.

— «Трёшка», — пробормотал он, довольно улыбнувшись.

BMW третьей модели — как раз такая, какую молодой человек очень хотел купить, но понимал, что в ближайшие пару лет мечту свою не исполнит. Зато можно взять понравившуюся модель в аренду и представить, что машина — твоя, хоть на полчаса, но твоя. Время от времени, когда позволяли обстоятельства, Пирожков брал какую-нибудь из «статусных» машин вроде BMW, «Audi» или «Mercedes» и катался на них по ночному городу или МКАДу. Летом — с открытыми окнами, включив на полную громкость музыку. И наполнялся уверенностью в том, что однажды такая машина будет принадлежать ему. Сначала — «трёшка», а затем и более престижная модель.

Артур верил в себя.

BMW стояла чуть дальше двух других автомобилей, но это не имело значения: Пирожков быстро преодолел лишнее расстояние, внимательно оглядел машину — никаких повреждений, салон чистый, документы... наверное, на месте — их Артур никогда не проверял, уселся в шофёрское кресло, поправил зеркала, пристегнулся и только после этого нажал кнопку «Поехать» — чтобы не платить за лишние секунды. Завёл мотор, улыбнулся едва слышному урчанию двигателя — дешёвым машинам Пирожков не улыбался никогда — и неспешно направился по Волгоградскому в сторону области. Если верить навигатору, до места встречи он доберётся на десять минут раньше, чем нужно.

«А может, предложить Насте покататься?»

Неожиданная мысль так понравилась Пирожкову, что он, воспользовавшись остановкой на светофоре, открыл в смартфоне банковское приложение, проверил, сколько осталось на счёте, и с облегчением выдохнул, убедившись, что денег достаточно даже для часовой поездки и расходы не сильно ударят по бюджету. Можно договариваться.

«Покатаемся, потом поужинаем, потом к ней... Идеальный вечер!»

Однако в следующий момент Артур сообразил, что критерии идеальности у них с Настей могут сильно отличаться

и девушка, вполне возможно, представляла третье свидание иным образом. Он вновь взял телефон, собираясь позвонить Насте и обсудить пришедшую в голову идею, как вдруг увидел вышедшего на проезжую часть инспектора ДПС, который повелительным жестом велел Артуру остановиться.

«Блин! Я ведь только взял его в руку! Даже не разблокировал!»

Пирожков решил, что бдительный страж порядка заметил в его руке телефон, и приготовился врать, что «просто бросил взгляд на навигатор». И старательно давил охватившее его раздражение: «Нашёл к чему придраться, блин! Будто не понимает, что у меня каждая минута денег стоит! Или он это специально?»

Но раздражение раздражением, а подчиняться приказу полицейского он обязан. Артур послушно взял вправо, прижался к обочине и заглушил двигатель, собираясь перевести арендованную машину в дешёвый режим ожидания. Но не успел.

— Добрый вечер, инспектор дорожно-патрульной службы капитан Теряев, — произнёс офицер, отдав, как положено, честь. — Ваши документы, пожалуйста.

— Я что-то нарушил?

— Московское управление проводит рейд по выявлению поддельных аккаунтов пользователей каршеринга.

— А-а... С этим у меня всё в порядке.

— Надеюсь. Выйдите, пожалуйста, из машины и предъявите документы.

— Конечно.

Артур демонстративно отстегнул ремень безопасности, вышел и отдал права. И заметил, что мимо неспешно проехал каршеринговый KIA, на который ни Теряев, ни его напарник, не обратили никакого внимания.

— Приложение покажите, пожалуйста.

Отдавать инспектору телефон молодому человеку не хотелось.

— Из моих рук посмотрите?

— Какие-то проблемы?

— Не знаю. — Пирожков понял, что теряется. Что происходит? Почему его остановили? Рейд? Допустим, рейд, но почему в таком случае полицейские не останавливают другие проезжающие каршеринги? Почему напарник инспектора не подошёл, а остановился в шаге и чуть сбоку? И почему вторая машина...

Артур увидел, что подъехавший автомобиль ДПС остановился впереди, небрежно и будто случайно заблокировав BMW выезд.

— Что происходит? — выдавил из себя Пирожков.

— Всё в полном порядке, — спокойно произнёс Теряев, глядя молодому человеку в глаза. — Откройте, пожалуйста, багажник.

— Разве у вас есть право требовать это от меня?

— Нет, у меня такого права нет. Я просто прошу вас открыть багажник.

Пирожков почувствовал, что его охватывает паника. Он даже покачнулся, потому что ноги на мгновение ослабли, а к горлу подкатил неприятный комок, всегда появляющийся в начале панической атаки.

И ведь до сих пор непонятно что происходит! Инспектор перед ним, напарник сбоку. Вышедшие из второй машины полицейские встали возле BMW, не спуская с Артура глаз. И никого из инспекторов не интересует идущий по Волгоградскому проспекту поток автомобилей, всё их внимание приковано к Пирожкову.

— Я не открывал багажник, когда брал машину, — сглотив, произнёс молодой человек. — Не знаю, что вы ищете, но не стану нажимать на кнопку. На ней нет моих отпечатков. И не будет.

Теряев кивнул, словно услышал то, что должен был услышать, и жёстко, но с прежней вежливостью, приказал:

— Пожалуйста, положите руки на капот автомобиля и чуть расставьте ноги.

— Зачем?

— Пожалуйста, сделайте, как я приказал.

Больше полицейские не скрывались — напарник Теряева вытащил из кобуры пистолет и навёл его на Артура.

— Что происходит?

— Руки на капот, — повторил инспектор. А когда на смерть перепуганный Пирожков подчинился, быстро хлопал его по бокам. — Оружие при себе есть?

— Откуда?

— А в машине?

— У меня нет оружия! — выкрикнул Артур. — Почему вы ко мне пристали? В чём меня обвиняют?

Отвечать ему пока не стали.

Теряев защёлкнул на руках Пирожкова наручники и кивнул, показывая, что задержанный находится под полным контролем. Его напарник вернул пистолет в кобуру, открыл водительскую дверь BMW и перевёл взгляд на замерших у багажника коллег. Увидел поднятый вверх большой палец одного из них и надавил на кнопку. Крышка багажника распахнулась и...

Впоследствии все отмечали невероятную выдержку, проявленную полицейскими в нестандартной, мягко говоря, ситуации, которую очень трудно было спрогнозировать: стоило крышке багажника открыться, как на свободу вырвалась стая потревоженных летучих мышей. Как показалось ошарашенным патрульным — огромная стая. Летучие мыши замельтешили перед глазами, заставили ошарашенных инспекторов отступить, но при этом никто из них даже не подумал выстрелить.

Но все, разумеется, выругались. Кто-то коротко, кто-то — замысловато, но все — громко. И их поддержали ошарашенные необычным зрелищем водители проезжающих автомобилей. Один из которых зазевался настолько, что едва не въехал в багажник притормозивших «Жигулей». И в самом деле — в Москве не часто увидишь вылетающую из багажника автомобиля стаю летучих мышей.

Когда же крылатые твари растворились в летнем небе, полицейские медленно приблизились к BMW и заглянули в багажник. И тот из них, который стоял слева, посмотрел на Теряева и громко сообщил:

— Вызывай бригаду — здесь труп.

Второй полицейский сплюнул и выругался, напарник Теряева достал рацию, а Пирожкову стало плохо.

* * *

В последнее время Феликса Вербина стало тянуть домой...

Нет, он не превратился в домоседа или пока не превратился. Нет, он не сделал в своей квартире роскошный ремонт, наполнив её «всеми необходимыми для жизни и комфорта», начиная от современных кухонных устройств и заканчивая сауной и зимним садом, — такой квартиры у него никогда не будет. Нет, Феликса не перевели на «удалёнку» — не могли перевести, поскольку старший оперуполномоченный по особо важным делам не в состоянии делать свою работу, сидя за компьютером. Или — только за компьютером. И он не разлюбил свою работу и продолжал с удовольствием ходить «в поле», но его стало тянуть домой. По-настоящему тянуть, а не потому что устал и нужно упасть в кровать и как следует выспаться. А перед сном поесть, если, конечно, в холодильнике что-нибудь отыщется, и принять душ. Если будет время — потупить перед телевизором и перед ним же заснуть. Или провести ночь с женщиной.

Раньше, когда квартира являлась местом для этих и других обыденных дел, Феликса домой не тянуло. Он просто приезжал по знакомому с детства адресу, мылся, ел, тупил перед телевизором или за компьютером и падал в кровать, не испытывая никаких особенных чувств к месту обитания. И даже магия родного дома — ведь когда-то именно сюда привезли завёрнутого в пелёнки Вербина — перестала работать после смерти родителей. Не сразу, но перестала. Дом стал для него чем-то вроде гостиничного номера, за тем лишь исключением, что уборка не входила в квартплату, и если бы в Петрах* ему отвели отдельную комнату с душем, Феликс ни за что не стал бы тратить время на дорогу. Даже на очень короткую.

Но комнату на работе ему никто выделять не собирался и на протяжении многих лет Вербин возвращался в кварти-

* Петры — сленговое название Московского полицейского управления, расположенного по адресу ул. Петровка, дом 38.

ру, как в гостиничный номер, не в дом, а в его подобие. Но теперь всё поменялось.

Вот уже год Вербина тянуло домой.

Ведь дома его ждала Криденс. Если нет — Феликс заезжал за ней в бар «Грязные небеса», благо он, Петры и квартира располагались недалеко друг от друга. Бар в один зал, но довольно большой, отделанный благородным тёмным деревом, выглядящий «на миллион долларов», но с адекватными ценами; расположенный на тихой улице, но всегда заполненный по вечерам. Бар, над главной стойкой которого висела доска с вырезанным изречением Публия Сира: «*Contra felicem vix deus vires habet*»*. Бар, в котором его знали все, начиная от администратора Каги, с которой Феликс обменялся поцелуями у дверей, и заканчивая здоровенным чёрным котом Баем, ради которого Криденс распорядилась снять верхнюю декоративную доску стойки, чтобы Бай, когда ему того хотелось, мог бродить под самым потолком и оттуда тарачиться на посетителей.

Войдя внутрь, Вербин машинально посмотрел вверх, заметил зелёные глаза Бая и едва заметно улыбнулся.

— Лекс, привет! Ты сегодня рано. — Криденс подошла сзади, положила правую руку на плечо Феликса, а когда он повернулся — поднялась на цыпочки и поцеловала мужчину в губы. — Или просто забежал?

— Надеюсь, сегодня действительно рано — мне пообещали свободный вечер, — ответил Вербин, раздумывая, не поцеловать ли Криденс ещё раз, крепче, но сдержался.

— Какие планы?

— Мои планы — ты.

Об этом Криденс знала, но одно дело знать и совсем другое — слышать, как мужчина произносит эти слова. Произносит снова и снова. Произносит, глядя в глаза. Слышать, и улыбаться, понимая, что мужчина говорит искренне.

— Я освобожусь через час, не раньше, — извиняющимся тоном произнесла Криденс. — Сейчас приедут люди, с которыми обязательно нужно поговорить.

* «Против счастливых даже бог бессилён» (лат.).

— Поставщики?

— Да.

— Я подожду.

— Спасибо.

— А как иначе? — Криденс кивнула, собралась отойти, однако Феликс слишком хорошо её знал, чтобы не уловить лёгкую грусть в голосе, и удержал подругу за талию. — Что-то не так?

Она помолчала, а затем легко улыбнулась:

— Никогда не привыкну к тому, как легко ты меня читаешь.

— Я тебя не читаю, Кри, я тебя чувствую. И ты привыкнешь.

— Уже привыкла. Просто иногда... Иногда ты оказываешься слишком проницательным.

— Просто иногда мои вопросы оказываются неожиданными.

— Или так. — Криденс провела рукой по щеке Вербина. — Со мной всё в порядке, милый, а вот Прохор места себе не находит. Даже от сэндвича отказался.

— И что он делает?

— Бросил сэндвич в мусор, побродил по двору, похныкал и ушёл.

— Понятно.

— Я знаю, как ты к этому относишься... — начала было девушка, однако Феликс не дал ей договорить:

— Я знаю, как к этому относишься ты, Кри, и только это имеет значение.

Вербин не верил в приметы, карточные гадания и астрологические прогнозы. Жизнь и профессия сделали его человеком практичным, с изрядной долей цинизма, научили полагаться на факты, и только на факты, и потому интерес, который Криденс проявляла к мистическим совпадениям, предсказаниям и прочей магии, вызывал у Феликса недоумение. К счастью, её увлечение протекало в лёгкой форме, без личных экстрасенсов и постоянных походов к астрологу. Но в «знаки» девушка верила.

Что же касается Прохора, он был классическим московским юридическим. Не бомжом или бродягой, а именно юриди-